

СОДЕРЖАНИЕ

«Врачи-убийцы»	6
«Низкопоклонство перед Западом»	18
Репрессии	47
Лубянка	66
Следствие	91
Смерть Сталина	130
Конец «дела врачей»	138
Заключение	182
<i>Приложение. Ближайшие и отдаленные предшественники «дела врачей»</i>	<i>192</i>

*Посвящаю моей покойной жене и другу
Софье Яковлевне Рапопорт*

«ВРАЧИ-УБИЙЦЫ»

13 января 1953 года весь мир был ошеломлен сообщением, опубликованным в центральных советских газетах и переданным по радио. В этом сообщении мир был информирован о раскрытии в Советском Союзе (главным образом, в Москве) преступной организации крупных работников медицины, совершавших чудовищные преступления: пользуясь доверием своих пациентов, они подло умерщвляли их, назначая заведомо противопоказанные им по характеру заболевания и состоянию здоровья мероприятия, приводившие часто к неизбежной гибели. Их жертвой стали выдающиеся деятели Советского государства — Щербаков, Жданов, крупные военачальники. В эту организацию входили виднейшие представители советской медицины — профессора и академики (в дальнейшем к ним присоединили большую группу врачей, рангом пониже). Их преступная деятельность, которую они осуществляли по заданию разведок капиталистических стран, не ограничивалась умерщвлением пациентов; одновременно они вели шпионскую работу по заданию тех же разведывательных органов. В этом сообщении были названы имена некоторых активных членов преступной организации (М. С. Во-вси, Я. Г. Этингер, Б. Б. Коган, М. Б. Коган, А. М. Гринштейн и другие), к ним был присоединен и народный артист СССР и видный общественный деятель С. М. Михоэлс, убитый за несколько лет до этого в Минске наездом неизвестно-

го грузового автомобиля. Автомобиль и его водитель остались необнаруженными.

Идейной платформой этой группы преступной шайки был еврейский буржуазный национализм, вдохновленный связью с американской еврейской организацией «Джойнт», о существовании которой, как впоследствии выяснилось, многие из привлеченных по этому делу не подозревали и даже не знали такого названия.

Все сообщение имело яркую антиеврейскую направленность.

Помимо террористической организации еврейских буржуазных националистов, был арестован по аналогичному обвинению до этого сообщения и после него ряд крупных ученых медиков нееврейской национальности (В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, В. Ф. Зеленин, Б. С. Преображенский, М. Н. Егоров и другие), а еврейская группа была дополнительно укомплектована профессорами И. А. Шерешевским, М. Я. Серейским, Я. С. Темкиным, Э. М. Гельштейном, Б. И. Збарским, М. И. Певзнером, И. И. Фейгелем, В. Е. Незлиным, Н. Л. Вильком, автором этих строк и многими другими. Некоторые из них умерли до организации этого дела и до сообщения о нем и были «арестованы» посмертно (М. Б. Коган и М. И. Певзнер, а Я. Г. Этингер, арестованный в 1950 году, умер в тюрьме до его включения в список «извергов рода человеческого»).

Само сообщение 13 января об аресте большой группы медиков не было неожиданным. Аресты начались с ноября-декабря 1952 года; имена арестованных и число их не могло быть секретом для широких кругов населения Москвы и крупнейших центров.

Групповые аресты специалистов по профессиональному признаку не были новостью для советских граждан. Наряду с арестами, больших масс населения преимущественно из интеллигентной среды без профессионального разбора, были аресты групп, дифференцированные по их

специальностям (инженеры, строители, военные, геологи, работники сельского хозяйства и т. д. и общественно-политические деятели). Из них формировались в недрах ГПУ — МГБ специализированные заговорщицкие группы с последующим физическим истреблением по приговорам открытого или — чаще — закрытого суда.

Неожиданностью был чудовищный характер обвинения большой массы медиков, к тому же известных клиницистов с большой профессиональной популярностью.

* * *

В уголовной истории советской страны уже были известны случаи аналогичных обвинений врачей, но они касались отдельных представителей врачебного сословия. В хронологическом порядке этот вид уголовной хроники, по-видимому, открыл хирург доктор Холин. Он внезапно исчез в конце двадцатых годов, и было совершенно непонятно, за что он арестован, какое преступление он мог совершить. По просочившимся слухам (они в основном подтверждались) передавали, что он был арестован в связи с операцией, произведенной М. В. Фрунзе. Об этой операции по поводу язвы двенадцатиперстной кишки ходили слухи, что она была произведена по настоянию Сталина. 31 октября 1925 года через двое суток после операции, произведенной крупнейшими хирургами во главе с профессором И. И. Грековым, М. В. Фрунзе скончался. В этих слухах был намек на то, что Сталин был заинтересован в операции и ее роковом исходе, и эта версия была использована в качестве сюжета для литературного произведения известного писателя Б. Пильняка «Повесть о непогашенной луне».

Вероятно, именно эта повесть стоила Б. Пильняку жизни. В разгар репрессий 1937 года он был арестован, обвинен в шпионаже в пользу Японии (он был в Японии и свои впечатления о поездке отразил в книге «Корни японского солнца») и расстрелян. Циркулировавшие непосредствен-

но после смерти Фрунзе версии о сомнениях в необходимости операции с последовавшим смертельным исходом ее, по-видимому, все же достигли высших сфер, поскольку через несколько дней после похорон Фрунзе профессор И. И. Греков выступил в печати с путанными разъяснениями об обстоятельствах операции и смерти. В них он оправдывал необходимость операции и утверждал наличие показаний к ней, а смертельный исход объяснял (крайне невразумительно), главным образом, общим отягощающим фоном организма М. В. Фрунзе.

Многие из циркулировавших версий о причине смерти М. В. Фрунзе (особенно — версия о смерти от хлороформного наркоза) могут иметь правомерное медицинское основание. Следует при этом категорически отвергнуть мысль о заведомо криминальных действиях хирургов — известных уважаемых ученых. В настоящее время, по-видимому, придется удовлетвориться официальными материалами 1925 года с свидетельством современников о смерти Фрунзе; расчеты на другие источники, вероятно, лишены надежды. Какие-либо сведения о роли Холина в операции Фрунзе отсутствуют. Если его арест имел какое-либо отношение к этой роли, то наиболее вероятно предположение, что он нужен был «органам», только как источник для криминального «досье» на оперировавших хирургов, на всякий случай — авось понадобится.

Такие «досье» были в практике ГПУ — МГБ. В них арестованными и признавшими свою вину были второстепенные участники «преступлений», а основные даже не подозревали об участии в них и продолжали трудиться, часто — в почете. Нередко такие «досье» оставались «вещью в себе», без употребления за отсутствием подходящей ситуации.

Приведу известный мне такой «парадокс» сталинской эпохи.

Во 2-м Московском медицинском институте клиникой факультетской хирургии в течение многих лет (1926–1943) заведовал известный хирург-профессор, а впоследствии академик — С. И. Спасокукоцкий. В числе его ассистентов был некий доктор Арутюнов. В 1938 году он был арестован органами ГПУ и, как всегда, исчез бесследно. Причина ареста, тоже как всегда, оставалась неизвестной. Эпизод этот вскоре был забыт как не представлявший чего-либо необычного для того времени, да и ранг исчезнувшего не способствовал долгому сохранению памяти о нем и интереса к нему. Неожиданно в 1940 году партийная организация института (Арутюнов был, кажется, членом КПСС) получила письмо от Арутюнова, написанное на листке ученической тетради и присланное, по-видимому, кем-то, освобожденным из заключения, по просьбе его «односидельца» — Арутюнова. В этом письме Арутюнов писал, что он осужден на 10 лет за участие в контрреволюционной организации, возглавлявшейся Спасокукоцким, в которую тот его вовлек. Далее он писал, что был уверен, что Спасокукоцкий расстрелян (по-видимому, на следствии Арутюнов все признал), раз он, только сообщник главаря организации, осужден на 10 лет. Случайно в концлагере в его руки попал клочок газеты с указом Президиума Верховного Совета о награждении профессора Спасокукоцкого орденом Ленина, и что, следовательно, он не только не расстрелян, но жив, здоров и пользуется благосклонностью Советского правительства (в дальнейшем был избран в Академию наук СССР). В связи с этим Арутюнов просит партийную организацию института ходатайствовать о его освобождении, как невинно осужденного. Его просьба осталась без последствий, никто не решился вступить в конфликт с ГПУ — МГБ, т. к. сомнения в обоснованности ареста в то время уже были преступлением против непогрешимости ГПУ, а передача письма в судебные органы могла вызвать ухудшение в судьбе осужденного.

* * *

Дело Арутюнова и дело Холина разделяет промежуток времени почти в 10 лет. Но принципиальная общность обоих дел убеждает в постоянстве ранее созданных приемов деятельности «органов». Остается загадкой целевая направленность этих приемов в подобных случаях, т. е. законспирированная политическая дискредитация «шефов» через второстепенных мнимых соучастников их преступлений. Весьма вероятно, что такой целью является формирование готовых «досье» на шефов про запас, на всякий случай, — вдруг понадобятся.

«Стукачи» для этой цели менее пригодны, они все же должны «настукивать» более или менее реальные факты или собирать их по целевому заданию. Более убедительны признания арестованных, каким бы путем они ни были получены.

Может быть, Спасокукоцкий был недоволен Арутюновым, кому-нибудь высказал без всякой задней мысли свое недовольство, и подлая, но всесильная угодливость освободила профессора от нежелательного сотрудника (Спасокукоцкий как хирург пользовался большой популярностью в «сферах»).

Холин был, по-видимому, «первой ласточкой» в использовании врачебной профессии для политических целей и первой их жертвой. Одна из последующих «ласточек» поразила неожиданностью. Речь идет о докторе И. Н. Казакове, невежественном, но предприимчивом враче, нашумевшем в 30-х годах, авторе так называемой лизатотерапии как универсального метода в профилактике возрастных человеческих немощей, как панацеи при лечении различных заболеваний. Научной предпосылкой метода являлось представление о решающей роли нарушения функции желез внутренней секреции в разнообразной патологии человека. В частности, это относилось к половой сфере, к уга-

санию ее активности, что особенно волновало входящих в возраст и усталых от бурной жизни крупных политических деятелей. Для восстановления нарушенной функции желез внутренней секреции больному вводился лизат соответствующей железы (препарат, в котором содержался продукт этой железы); предварительно определялся «эндокринный профиль» пациента, т. е. схема состояния его желез внутренней секреции, нуждающихся в коррекции.

Контингент потребителей лизатотерапии был избранный. Это была верхушка советского общества — крупные администраторы, политические деятели, крупные военные и т. д. Казакову был создан специальный научный институт; Институт был на исключительном положении в отношении доступа в него в качестве пациентов, роскоши обстановки, питания и т. д., а сам Казаков был фигурой, недостижимой для нормальной научной критики, с универсальной индульгенцией от высоких органов и лиц.

Н. А. Розенель (актриса, жена наркома А. В. Луначарского) в своей книге «Память сердца» пишет о том, как к тяжелобольному и вскоре умершему в начале 30-х годов А. В. Луначарскому (соратнику Ленина и первому наркому просвещения) пришли его друзья, крупные политические деятели, в том числе — нарком по иностранным делам М. М. Литвинов, с настойчивой рекомендацией воспользоваться услугами Казакова как врача-чудодея. Они ссылались на личный опыт испытания на себе его врачебного мастерства. Казаков жаловался им, что лечащие врачи не допускают его к Луначарскому, хотя он вылечил бы его в кратчайший срок. Луначарский принял их рекомендацию, и Казаков включился в его лечение своими методами. Вскоре, однако, он был уличен в прямом жульничестве и поспешил жульническим манером самоустраниться от лечения Луначарского, безрезультатность которого к тому же стала очевидна.

Зная об отношении к Казакову в «высших сферах», я был чрезвычайно удивлен рассказом А. И. Абрикосова, производившего в 1934 году вскрытие трупа В. Р. Менжинского, председателя ОГПУ, об одном эпизоде при вскрытии.

Присутствовавший при вскрытии крупный работник ГПУ обратился к Абрикосову со словами: «Посмотрите внимательно, не найдете ли вы в теле Менжинского следов действия казаковского зелья?» А. И. Абрикосова удивила не только наивность такого предложения с точки зрения возможностей патологической анатомии, но и контекст, в котором был упомянут Казаков, находившийся в то время в зените своей славы. По-видимому, над его головой уже был занесен меч ОГПУ, опустившийся четыре года спустя. Значит, версия о злодействе медицинских работников уже была в стадии активного созревания и достигла зрелости в процессе 1938 года по умерщвлению врачами сына А. М. Горького, самого Горького, Менжинского и др. В результате этого процесса были расстреляны в числе других доктор Л. Г. Левин (врач кремлевской больницы) и И. Н. Казаков; осужден на длительное заключение и погибший в нем профессор Д. Д. Плетнев. О смерти самого Менжинского в его биографии (БСЭ. Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 27) сказано: «В. Р. Менжинский погиб на боевом посту. Он был злодейски умерщвлен по заданию главарей антисоветского контрреволюционного „правотроцкистского блока“. Версия об участии врачей в умерщвлении Горького, зафиксированная в приговоре суда и открыто не опровергнутая, существовала и поддерживалась даже спустя долгое время после ликвидации «дела врачей». Трудно было дуракам и мерзавцам с ней расстаться, о чем может свидетельствовать следующий эпизод.

В 1967 или 1968 году (т. е. спустя 30 лет после процесса об умерщвлении Горького) мы с женой отдыхали в санатории «Форос» ЦК КПСС в Крыму. В этом санатории был культработником, т. е. организатором «культурных мероприятий», молодой парень, член КПСС, глупый, самовлюб-

ленный пижон. Однажды он повел группу отдыхающих на экскурсию в соседний санаторий «Тессели», бывший резиденцией Горького. Щеголя своей осведомленностью об обстоятельствах смерти Горького, он показал кучу булыжников, которую врачи, лечившие Горького, якобы заставляли его перетаскивать с места на место под видом физического упражнения, чтобы вызвать его преждевременную смерть. Этот молодой болван передавал легенду, основанную на материалах суда 1938 года, вошедших во 2-е издание Большой Советской Энциклопедии (см. биографии Горького и Менжинского), не дезавуированных открыто, по крайней мере в части, касающейся злодеяний медиков. С мистическим ужасом взирали зрители на кучу камней, которых касались мученические руки Горького, направляемые на них «убийцами в белых халатах».

Таким образом, единицы врачей-злодеев 30-х годов расплодилось к 50-м годам в большую организацию из многих десятков виднейших деятелей медицины, а все событие вошло в историю под названием «дело врачей». Оно, как это видно, имело предшественников и не возникло, как *Deus ex machina*, как какой-то эксцесс природы, как метеор из далекого чуждого мира, ворвавшийся в атмосферу нашей планеты. Оно готовилось всей природой сталинской империи, и атмосфера для него готовилась и накаливалась в течение многих лет. Почему злая судьба постигла трех врачей из большой массы их в СССР? Попробуем дать ответ на этот вопрос, по крайней мере в отношении Л. Г. Левина и Д. Д. Плетнева. Л. Г. Левин, руководящий работник кремлевской больницы, был образованный специалист, соавтор Д. Д. Плетнева в изданном ими руководстве по внутренним болезням для студентов и врачей, пользовавшемся популярностью в течение ряда лет. В «награду» за признание на следствии участия в «умерщвлении» А. М. Горького и его сына Левин мог передавать из заключения короткие записки. В них эзоповским языком он писал об общих услови-

ях пребывания в тюрьме, об инкриминируемом ему преступлении, сознанию в котором его вынудили угрозой расправы с семьей. Для спасения ее он на это пошел.

Старший сын Л. Г. Левина работал в Наркоминделе. Его не было в Москве в момент ареста отца. По срочном возвращении в Москву спустя два дня он написал В. М. Молотову письмо, в котором просил его вмешаться в это «недо-разумение», поскольку В. М. Молотов хорошо знал отца и имел с ним контакты не только в служебных отношениях, но и в личных дружеских связях.

Письмо это он сам передал в ЦК КПСС, и ответом на него был его арест в ту же ночь с последующим исчезновением из жизни. Семья Левиных много лет была в убеждении, что это письмо не дошло до Молотова. Однако его увидели в деле по посмертной реабилитации. Письмо до Молотова дошло, как об этом свидетельствовал автограф на нем Молотова следующего содержания: «Почему этот „профессор» еще в НКВД, а не в НКВД». Каламбур палача у плахи!

Конечно, он получил директивное значение. Участие профессора Д. Д. Плетнева в «умерщвлении» Горького и его сына было воспринято советской, особенно медицинской, общественностью, казалось бы, уже привыкшей к острым блюдам 1937 года, как мрачная сенсация. Д. Д. Плетнев пользовался огромной популярностью, как образованный клиницист с большим врачебным опытом и как ученый, принятый в высших этажах советского руководства. Подлинные причины его ареста и осуждения (он был осужден на 25 лет и умер в заключении накануне «дела врачей») не были известны, вероятно, и ему самому. Строились разные догадки. При той популярности, которую имел Д. Д. Плетнев, организаторы большого процесса сочли, по-видимому, необходимой предварительную общественную дискредитацию его, как человека, способного на аморальные поступки. Форма этой дискредитации была на уровне культуры и грязной фантазии авторов ее.

* * *

Подобно грому из ясного неба, вдруг в центральных газетах в 1939 году (в том числе и в «Правде») во всю ширину полосы появился гигантский заголовок: «Проклятие тебе, насильник, садист!» Под этим кричащим заголовком была статья (государственной важности!), посвященная аморальным действиям профессора П. К нему на прием в качестве больной пришла гражданка Б., и профессор П. в припадке бешеной страсти (ему уже было за 60 лет!), вместо оказания гр-ке Б. необходимой помощи врачебным искусством, искусал ей грудь и нанес ей этим тяжелую физическую и моральную травму. Я знал эту гр-ку Б.

Она была репортером одной из московских газет (кажется, «Труд») и иногда приходила ко мне, как проректору по научной и учебной работе 2-го Московского медицинского института, за какой-нибудь информацией. Внешность ее отнюдь не вызывала никаких сексуальных эмоций и даже не ассоциировалась с такой возможностью. Это была женщина лет сорока, с удивительно непривлекательной и неопрятной внешностью. Длинная, какая-то затрепанная юбка, башмаки на низком стоптанном каблуке; выше среднего роста, брюнетка сального вида, с неопрятными космами плохо причесанных волос; пухлое, смуглое лицо с толстыми губами. Один вид ее вызывал желание поскорее освободиться от ее присутствия. И вдруг оказалось, что она — это и есть г-ка Б., девственная жертва похоти профессора П., «насильника, садиста!».

Узнав об этом, я говорил, что кусать ее можно было только в целях самозащиты, когда другие средства самообороны от нее были исчерпаны или недоступны. Тем не менее профессор П. был судим за этот «варварский» поступок и за нанесение увечий и осужден на 2 года.

Ответ на поставленный выше вопрос восходит к тайнам гибели в 1932 году Н. С. Аллилуевой, жены Сталина. Известно, что она покончила жизнь самоубийством выстрелом себе в висок. Была попытка скрыть эту явную причину смерти даже заменой при похоронах обычной прически Н. С. Аллилуевой зачесом на висок для маскировки огнестрельной раны. Официальной версией была смерть от аппендицита, неуклюже неправдоподобной даже для непосвященных.

Посвященными в истинную причину смерти были А. Ю. Канель — главный врач кремлевской больницы, Л. Г. Левин и профессор Д. Д. Плетнев. Аллилуеву видели накануне трагедии без всяких признаков аппендицита, а утром она была обнаружена мертвой в постели с огнестрельной раной в виске и лежащим около трупа пистолетом. Всем им было предложено подписать бюллетень о смерти от аппендицита, от чего они все трое категорически отказались. Бюллетень был подписан другими врачами. Сталин не забыл этого отказа, и его злобной мстью была версия «умерщвления» А. М. Горького Плетневым и Левиным. А. Ю. Канель умерла в 1936 году от менингита, иначе она, конечно, разделила бы судьбу «убийц» Горького.

В чем была провинность И. Н. Казакова, остается тайной. Казаков, как отмечалось выше, был принят в высших этажах сталинского общества, знал многие из его тайн и мог быть нескромным. Это, возможно, привлекло к нему внимание органов государственной безопасности, и, как выше отмечалось, он давно был у них на прицеле.

«НИЗКОПОКЛОНСТВО ПЕРЕД ЗАПАДОМ»

Длительно накаливалась и подготавливалась антисемитская направленность «дела врачей», и психологической подготовкой к нему была так называемая борьба с космополитизмом, открытая в 1948 году редакционными статьями в газетах «Правда» и «Культура и жизнь». В этих статьях раскрывалась вредительская деятельность литературных, музыкальных и театральных критиков, по преимуществу еврейской национальности, якобы шельмовавших в своих критических статьях произведения русских писателей, поэтов, драматургов и одновременно прославлявших чуждые русскому и вообще советскому человеку произведения. В этих статьях, посвященных этим критикам, они именовались безродными космополитами, которым чуждо было все русское и советское, которое они беззастенчиво оплеывали.

Статьи эти, разумеется, получили широкий резонанс частью со стороны обиженных критикой, частью со стороны услужливых и служащих лиц и организаций. Для характеристики такого резонанса можно привести короткий отчет о партийном собрании Союза советских писателей, опубликованный в газете «Правда» 11 февраля 1949 года под названием «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Докладчиком на этом собрании выступил секретарь правления Союза писателей А. Софронов. Он говорил: «Группа оголтелых, злонамеренных космополитов, людей без рода и племени, торгашей и бессовестных дельцов от театральной критики, подверглась сокрушительному разгрому в редакционных статьях газет „Прав-

да» и „Культура и жизнь». Эта антипатриотическая группа в течение долгого времени делала свое антинародное дело. Выросшие на гнилых дрожжах буржуазного космополитизма, декаданса (?) и формализма, критики-космополиты нанесли немалый вред советской литературе и советскому искусству — они хулигански охаивали и злобно клеветали на все то новое, передовое, все лучшее, что появлялось в советской литературе и советском театре...» Далее:

«Юзовский, Гурвич, Борщаговский, Бояджиев, Альтман, Варшавский, Малюгин, Холодов и другие космополиты-антипатриоты приветствовали идеологию буржуазного Запада. Холопствовавшие перед буржуазной культурой, они отравляли здоровую атмосферу советского искусства зловонием буржуазного ура-космополитизма (?!), эстетства и барского снобизма (?!)». Далее идет конкретное разоблачение их деятельности. Например, они критиковали такие патриотические пьесы, как «Великая сила» Ромашова и «Зеленая улица» А. Сухова. Надо сказать, что эти спектакли шли в Малом театре при почти пустом зале, хотя билеты распределялись бесплатно в учреждениях и предприятиях, и бывали случаи, когда администратор театра обращался к публике с просьбой от имени артистов занять ближайшие к сцене ряды, т. к. артистам трудно играть перед пустым залом. Критик Альтман в докладе Софронова подвергся уничтожающей характеристике, в частности, за то, что он «постановку пьесы „Принцесса Турандот» считал знаменем искусства» (это значение спектакля подтверждено всей последующей историей театрального искусства).

Уничтожающей критике подвергается деятельность Ю. Субоцкого, который «стремился отвлечь внимание писателей от нанесения ударов по безродному космополитизму», а также литературные критики Эрлих, Данин и др. В частности, о Данине сказано, что он «унаследовал методы оголтелых космополитов, в свое время травивших Горького и